

Краткій отчетъ о поѣздѣ въ Ташкентъ и Бухару и въ Хивинское ханство командированнаго СПб. Университетомъ и Русскимъ Комитетомъ приватъ-доцента А. Н. Самойловича въ 1908 году.

27 апрѣля я прибылъ въ г. Ташкентъ со стороны Оренбурга, а 11 іюля выѣхалъ изъ Красноводска на Баку, такъ что въ предѣлахъ Средней Азіи я пробылъ $2\frac{1}{2}$ мѣсяца; все мое путешествіе, со включеніемъ 2 недѣль пути отъ Петербурга въ Среднюю Азію и обратно, заняло 3 мѣсяца вмѣсто предполагавшихся 4-хъ.

I. Ташкентъ — Бухара.

Первую остановку я сдѣлалъ въ г. *Ташкентъ*, гдѣ пробылъ съ 27 апрѣля до 8 мая. Здѣсь прежде всего я по обыкновенію посѣтилъ мѣстныхъ изслѣдователей Средней Азіи: Н. Ф. Петровскаго¹⁾, Н. П. Остроумова, А. А. Диваева, Н. Г. Маллицкаго, А. А. Семенова, Н. В. Дмитровскаго.

Въ Туркестанской публичной библіотекѣ я ознакомился съ новыми выпусками Туркестанскаго Сборника, не выходившаго уже 20 лѣтъ (1887 — 1907) и возобновленнаго въ 1907 году; подробныя объясненія мнѣ любезно давали участники этого кропотливаго труда А. А. Диваевъ и библіотекаръ г. Зыковъ. Детальнѣе остановился на этомъ пунктѣ моего отчета, равно какъ и на нѣкоторыхъ другихъ, я намѣренъ въ отдѣльныхъ печатныхъ замѣткахъ²⁾.

При содѣйствіи Н. П. Остроумова познакомился съ воспитанниками Учительской Семинаріи *изъ туркменовъ* и съ ихъ помощью разбиралъ свои туркменскіе матеріалы.

1) Скончался 19 ноября сего года. Да будетъ ему легка земля!

2) Замѣтка о Туркестанскомъ Сборникѣ уже напечатана въ IV вып. XVIII т. Записокъ Вост. Отд. И. Р. Арх. Общества.

Большую часть времени я проводилъ съ туземцами, какъ въ старомъ городѣ, такъ и у себя въ гостинницѣ. По доброму восточному обычаю я обмѣнивался съ туземными своими знакомыми подарками и въ Ташкентѣ, и впослѣдствіи въ Хивѣ; какъ люди книжные, мы подносили другъ другу литературныя памятки, и мнѣ очень пригодились для этой цѣли изданія Ильяса Мурзы Бораганскаго: 1) миниатюрный Коранъ и 2) сура Ясинъ изъ извѣстнаго Корана Османа.

По вопросамъ старой и современной средне-азиатской литературы на турецкомъ языкѣ я бесѣдовалъ съ поэтомъ Кямі (کیمی), знакомству съ которымъ я обязанъ Н. Г. Маллицкому, и съ муллою Турсунъ-Казы, дядей моего давнишняго пріятеля Кемаль-ед-динъ-Ходжи. Кямі подарилъ мнѣ бухарское литограф. изданіе сочиненія Неваи «Маббуб-ул-кулуб» и продалъ ташкентское литогр. изданіе: «Бәјаз» — стихотворный сборникъ съ участіемъ и музы Кямі; на послѣдней страницѣ Кямі собственноручно приписалъ свое новое произведеніе. Кемаль-ед-динъ подарилъ мнѣ: 1) очень длинное письмо въ стихахъ извѣстнаго кокандскаго поэта Фиркатъ (автографъ), написанное послѣднимъ изъ Константинополя ташкентскимъ друзьямъ; 2) два лоскутка бумаги, на которыхъ дважды написана шутливая «сартовская» пѣсенка: «Мытарства пассажира 4-аго класса».

Неоднократно посѣщалъ одну изъ русско-туземныхъ школъ стараго города, въ которой мусульманскіе предметы преподаетъ по новому методу помянутый Кемаль-ед-динъ, горячій сторонникъ просвѣщенія своихъ соплеменниковъ въ европейскомъ духѣ. Кромѣ знакомства съ ходомъ учебныхъ занятій эти посѣщенія давали мнѣ еще отличный случай прислушиваться къ говору ташкентцевъ и записывать образцы ташкентскаго турецкаго нарѣчія; для послѣдней цѣли обязательный Кемаль-ед-динъ собралъ еще однажды старшихъ своихъ учениковъ у себя, въ кельѣ (һўйра) медресэ Ходжа Ахрара, а младшихъ—въ одномъ изъ загородныхъ садовъ. Такимъ образомъ я записалъ нѣсколько пословицъ, загадокъ, пѣсенокъ и коротенькихъ разсказовъ и рядъ отдѣльныхъ словъ и выраженій.

Цѣнные свѣдѣнія по языку и быту ташкентцевъ сообщилъ мнѣ другой мой старинный пріятель, практикантъ Учительской Семинаріи и авторъ «Устоди авваль для русско-туземныхъ школъ Туркестанскаго края» (изд. VI, 1907 г.) мулла Саидъ-Расуль; онъ подѣлился

со мной, кромѣ того, своими наблюденіями надъ ходомъ учебнаго дѣла среди туземцевъ.

Н. П. Остроумовъ любезно доставилъ мнѣ возможность присутствовать на «мальчишникѣ» (канунъ свадьбы) у почтеннаго туземца Ишанъ-Ходжи; здѣсь я имѣлъ случай близко наблюдать различныя любопытныя проявленія восторженнаго отношенія туземцевъ (да и русскихъ) къ «бача» съ одной стороны и искусные способы (между прочимъ танцы) воздѣйствія этихъ мальчиковъ на публику съ другой.

Я осмотрѣлъ вмѣстѣ съ Кемаль-ед-диномъ первую литографію въ старомъ городѣ, существующую всего около года и принадлежащую Арифджанову. Кромѣ упомянутаго выше «Бѣяз», я приобрѣлъ на базарѣ изъ напечатанныхъ въ этомъ заведеніи: «Mälikä Dilaram», «Сонникъ» и «Хурліка».

Вспикалъ въ современное настроеніе средне-азіатцевъ. По поводу усиленно обсуждавшагося весной въ русскихъ мусульманскихъ газетахъ вопроса о положеніи женщины, котораго коснулась и Ташкентская туземная газета, Бака-Ходжа, студентъ самаркандскаго медреса Ширъ-даръ сообщилъ мнѣ, что онъ написалъ по-персидски «rīsalē», оспаривающее «ногайскіе» взгляды на женскій вопросъ; «rīsalē» должно быть напечатано по-персидски, по-турецки и по-русски; принадлежа къ духовной средѣ, Бака-Ходжа, однако, среди своихъ — человѣкъ довольно передовыхъ взглядовъ, и его отрицательное отношеніе къ эмансипаціи мусульманской женщины тѣмъ характернѣе для Средней Азіи. Съ Бака-Ходжой я бесѣдовалъ уже въ пути между Самаркандомъ и Бухарой, благодаря случайной встрѣчѣ съ этимъ моимъ давнишнимъ знакомымъ.

Вторую остановку, весьма короткую, я сдѣлалъ въ *Бухарь* (9—11 мая), найдя радушный пріютъ у драгомана нашего политическаго агентства М. Э. Никольскаго. На книжномъ базарѣ старой Бухары я купилъ рукопись на языкѣ тѣркѣ, содержащую: 1) стихотворный рассказъ про Али и Ханифэ (ff. 1 b—76 a) и 2) сборникъ *مثنوی* поэта Хувейда (*هویدا*) ff. 76 b—160 b); кромѣ того я приобрѣлъ покупкой литографированныя изданія: «Цѣңнамă-i-Цѣмшід-падшаһ» (бухарское) и «Юсифъ и Зулейха» Андалиба (самаркандское). При любезномъ содѣйствіи М. Э. Никольскаго я осмотрѣлъ типо-литографію гг. Гай-

синскаго и Бендецкаго (бывшую Левина) и получилъ списокъ (къ сожалѣнію неразборчивый) мусульманскихъ книгъ, напечатанныхъ въ ней съ мая 1907 года (45 №№).

II. *Подъ Хивой.*

Утромъ 12 мая я сѣлъ въ Чарджуѣ на пароходъ и 14 мая около 2 часовъ пополудни сошелъ на аму-дарьинскій берегъ верстахъ въ 6-ти отъ Петро-Александровска. Въ этомъ городѣ извозчиковъ не водится; приходится телеграфировать изъ Дарганъ-ата администраціи о высылкѣ казенныхъ или частныхъ лошадей; и такихъ на этотъ разъ не хватило для всѣхъ пассажировъ, такъ что я попалъ въ городъ только часовъ въ шесть вечера. За неимѣніемъ гостинницы и свободныхъ номеровъ въ Военномъ Собраніи я остановился въ квартирѣ городского полицейскаго пристава С. Н. Черкеса, съ которымъ познакомился на берегу у парохода. Въ *Петро-Александровскѣ* я пробылъ до полудня 17 мая. Начальникъ Аму-дарьинскаго отдѣла Сыръ-дарьинской области, генералъ Н. Г. Глушановскій, которому я предъявилъ, кромѣ открытыхъ листовъ отъ Комитета и Туркестанскаго генераль-губернатора, еще частное письмо Н. Ф. Петровскаго, столь внимательно отнесшагося къ моему путешествію,—оказалъ мнѣ всемѣрное содѣйствіе и радушнѣйшимъ образомъ принялъ меня въ своемъ домѣ. Генералъ ссудилъ меня двумя картами Хивинскаго ханства и помогъ мнѣ составить приблизительный маршрутъ поѣздки по владѣніямъ Ханъ-Азрета. Въ ожиданіи, пока хивинскія власти получаютъ извѣщеніе о моемъ приѣздѣ и когда мнѣ можно будетъ тронуться въ дальнѣйшій путь, я дѣлалъ послѣднія необходимыя для путешествія по Хивѣ покупки и приготовления.

Въ Петро-Александровскѣ помимо бібліотеки при Военномъ Собраніи открыта еще съ 1 мая 1907 г. «Петро-Александровская городская имени Н. А. Иванова (перваго начальника Аму-д. отдѣла, впоследствии Туркестанск. генераль-губернатора, нынѣ покойнаго) бібліотека», находящаяся въ вѣдѣніи особаго комитета. Первымъ предсѣдателемъ комитета былъ Ник. Эд. Вундпетель; бібліотекаремъ нынѣ состоитъ бывшій воспитанникъ Ташкентской Учительской Семинаріи

Вас. Петр. Шпеневъ; бібліотека помѣщается при Поземельномъ Податномъ присутствіи въ одной комнатѣ; тутъ же имѣется и зародышъ будущаго музея археологическаго и естественно-историческаго ввидѣ нѣсколькихъ древнихъ камней и сосудовъ, древняго оружія, шкафа съ монетами и стойки съ сѣменами злаковъ и зоологическими препаратами.

III. Хива.

17 мая около 2 часовъ пополудни сѣлъ въ хивинскій каюкъ на Кара-багской переправѣ, черезъ два часа, пересѣкши Аму-дарью, въѣхалъ въ судоходный Шахъ-авадскій каналъ, а еще черезъ часъ былъ въ замкѣ Ханкинскаго губернатора (накѣм или бакъ), гдѣ я началъ и закончилъ свое пріятнѣйшее въ общемъ, почти полуторомѣсячное, путешествіе по Хивинскому ханству (17 мая — 26 іюня).

Работать я началъ только въ городѣ Хивѣ, послѣ того какъ помощникъ начальника Аму-дарьинскаго отдѣла, полковникъ Н. С. Масичъ, любезно исполнившій просьбу генерала Н. Г. Глушановскаго проводить меня до резиденціи Его Свѣтлости Сеидъ-Мухаммедъ-Рахимъ-хана, представилъ меня хану, его наслѣднику и первымъ хивинскимъ сановникамъ и такимъ образомъ обезпечилъ мнѣ съ ихъ стороны полнѣйшее содѣйствіе.

Въ г. Хивѣ я прожилъ въ первый разъ съ 18 мая до 27-го, употребивъ это время на довольно разнообразныя работы. Занимая комфортабельныя для Хивы апартаменты посольскаго дома и пользуясь полнымъ гостепрѣимствомъ Его Сіятельства наслѣдника Исфендіартюрі, въ усадьбѣ котораго этотъ домъ находится, я имѣлъ постоянно подъ руками лицъ, предупредительно исполнявшихъ мои желанія, и экипажъ, всегда готовый къ моимъ услугамъ. Часть дня я занимался дома, а часть проводилъ въ разныхъ концахъ города. При мнѣ состоялъ услужливый Саибъ-Назаръ-бай, который ко второму моему пріѣзду въ г. Хиву (на обратномъ пути) изъ завѣдующаго посольскимъ домомъ былъ неожиданно назначенъ первымъ министромъ (мәтәр, мәһтәр); его мѣсто занялъ Абдулла-бай, сынъ Мирза-башы (см. ниже).

Имѣя постоянную практику въ хивинскомъ говорѣ среди окружающихъ меня лицъ, я спеціально занимался городскимъ нарѣчіемъ съ приставленнымъ ко мнѣ для этой цѣли Медеминъ-баемъ (Мухаммедъ-Эминъ-бай), словоохотливымъ сборщикомъ податей; подъ его диктовку я записалъ, между прочимъ, названія хивинскихъ одеждъ и тканей и названія хивинскихъ яствъ.

Осмотрѣлъ рядъ заведеній хивинскихъ цеховъ: 1) мастерскую шелковыхъ тканей, 2) круподерню, 3) кунжутный заводъ, 4) шапочную мастерскую, 5) глинообжигательный заводъ, 6) хлѣбопекарню, 7) базаръ глиняной посуды, 8) заводъ глиняныхъ печей для хлѣба, 9) улицу мѣдныхъ мастеровъ (этотъ цехъ, издающій много шума, поселенъ на краю города), 10) мастерскую полировщиковъ алачи, 11) мастерскую золотыхъ дѣлъ мастера и 12) мастерскую лошадиной сбруи. Знакомаясь въ общихъ чертахъ съ разными ремесленными производствами, я обогащалъ при этомъ свой словарь хивинскихъ словъ.

Наблюдалъ хивинскую музыку, пѣніе, танцы. Слышалъ: 1) придворнаго тамбуриста Метъ-Якуба; 2) народнаго пѣвца (бахшы), исполнявшаго народно-книжныя произведенія подъ акомпаниментъ дутары (игралъ самъ) и двухъ дудокъ (буламанъ), на которыхъ играли два его товарища; 3) послѣдняго въ г. Хивѣ дряхлаго придворнаго игрока на кобузѣ¹⁾; 4) игру на гырджаккахъ съ бубномъ. Видѣлъ сартовскій кукольный театръ — «чадыр-хаја» и акробатовъ — «масхара-баз». Бесѣдовалъ съ первымъ въ г. Хивѣ знатокомъ теоріи поэзії и музыки, поэтомъ, композиторомъ и каллиграфомъ Мухаммедъ-Расуль-бай Мирза-башы, сыномъ покойнаго извѣстнаго поэта и историка Камуль (کامل).

Приобрѣлъ для этнографическаго музея Академіи Наукъ коллекцію хивинскихъ музыкальныхъ инструментовъ и два полныхъ костюма — мужской и женскій — простолудиновъ города Хивы.

Осмотрѣлъ медресѣ и другія достопримѣчательности города, въ томъ числѣ и гордость хивинскихъ купцовъ — магазинъ на русскій ладъ, такъ и прозванный «магәзін». Видѣлъ одинъ изъ первыхъ камней фундамента будущей новой, «молодой» Хивы: строящееся

1) Кобузъ почти вышелъ изъ употребленія у городскихъ жителей Хивинскаго ханства и остался преимущественно у казакъ-киргизовъ и кара-капшаковъ.

еще медреса Исламъ-Ходжи, гдѣ преподаваніе будетъ поставлено на новый ладъ, со свѣтскими науками. Бесѣдовалъ съ казанскимъ молодымъ муллою, учителемъ одной изъ 4 только-что открытыхъ въ хивинскомъ ханствѣ мектебовъ новаго типа; косное большинство и особенно духовенство относится пока весьма враждебно къ вполне разумнымъ попыткамъ лучшихъ хивинскихъ людей реформировать ужасную старую мусульманскую начальную школу.

Подъ руководствомъ любимца хана, одного изъ лучшихъ современныхъ хивинскихъ поэтовъ (онъ-же и врачъ) Ахмедъ-Табиба¹⁾ я ознакомился съ ханскими книгохранилищами и придворной литографіей.

Нынѣ ханствующій Сеидъ-Мухаммедъ-Рахимъ II, просвѣщенный покровитель хивинской науки и искусствъ, проявилъ полную готовность содѣйствовать научному изученію его страны и открылъ мнѣ доступъ также и къ своимъ собственнымъ, личнымъ книжнымъ сокровищамъ.—Я по два раза занимался въ обѣихъ ханскихъ библіотекахъ: въ Аркѣ и въ Таза-багѣ, обращая главное вниманіе на рукописи, написанныя по-турецки и дважды посѣтилъ ханскую литографію, пріютившуюся на лѣто въ садовомъ павильонѣ Таза-бага²⁾. Въ Таза-багскомъ кабинетѣ Его Свѣтлости я просматривалъ новые списки съ разныхъ рукописей и печатныхъ изданій, непрерывно изготовляемые цѣлымъ штатомъ придворныхъ переписчиковъ. По распоряженію хана мнѣ вручили нѣсколько ханскихъ изданій и въ томъ числѣ еще неоконченное послѣднее: собраніе 3200 газелей 32 современныхъ хивинскихъ поэтовъ, которымъ предшествуютъ 100 газелей самого хана, подписывающагося въ стихахъ «Фирузъ». Редактируетъ это изданіе Ахмедъ-Табибъ³⁾. Въ Таза-багѣ я посѣтилъ лучшаго въ Хивѣ придворнаго каллиграфа, рѣзчика печатей, отливателя пушекъ и часового мастера Худай-бергенъ-дивана.

1) О немъ см. также въ статьѣ А. Калмыкова «Хива» (Протоколы Турк. кружка любит. археологій, годъ XII, стр. 56).

2) Литографія существуетъ (съ перерывами) съ начала 70-ыхъ годовъ XIX столѣтія, но до меня о ней, насколько мнѣ извѣстно, никто не сообщалъ.

3) Свою коллекцію литографированныхъ и рукописныхъ книгъ я передалъ въ Азіатскій Музей. Описанію ханскихъ библіотекъ я посвящаю отдѣльную статью.

Его Сіятельство наслѣдникъ Исфендіаръ-тюря присылалъ мнѣ для просмотра на домъ рядъ рукописей, часть которыхъ была оставлена мнѣ въ подарокъ. Книжныя подношенія получилъ также отъ Исламъ-Ходжи и Хусейнъ-бега; оба знаютъ русскій языкъ и выписываютъ русскія и мусульманскія газеты. Я отдаривался упомянутыми выше изданіями Бораганскаго, а хану и наслѣднику я кромѣ того поднесъ по экземпляру изданія проф. П. М. Меліоранскаго «Шейбани-намэ».

Въ г. Хивѣ стали поступать ко мнѣ въ качествѣ подарковъ и старинныя монеты, которыхъ къ концу путешествія по ханству у меня собралось порядочно, — преимущественно хорезмійскія: золотыя, серебряныя и мѣдныя¹⁾.

Въ г. Хивѣ-же я началъ дѣлать фотографическіе снимки; всего за путешествіе я израсходовалъ 8 дюжинъ пленокъ изъ 30, данныхъ мнѣ этнографическимъ музеемъ Академіи Наукъ; больше не паснималъ, во-первыхъ, изъ-за лишней экономіи, а, во-вторыхъ, потому, что былъ стѣсненъ въ фотографированіи и, напримѣръ, не имѣлъ доступа къ женщинамъ, не только городскимъ, но и сельскимъ, включая туркменокъ; къ концу, вѣроятно, отъ жары испортился аппаратъ.

IV. Отъ г. Хивы до г. Стар. Ургенча (27 мая — 7 іюня).

Составленный мною въ Петро-Александровскѣ при содѣйствіи ген. Н. Г. Глушановскаго примѣрный маршрутъ моей поѣздки по Хивинскому ханству я пересмотрѣлъ въ г. Хивѣ вмѣстѣ съ Исламъ-Ходжой и сократилъ на два пункта: Змукширъ и Нукусъ; во время поѣздки я еще выбросилъ (изъ-за затопленія пути) Мангытъ, такъ что я проѣхалъ въ концѣ концовъ по пути: г. Хива, Газаватъ, Тахта-базаръ, Ташаузъ, Иляллы, Акъ-тепе, Куня-Ургенчъ, Ходжейли, Порсу, Клычъ-Ніязъ-бай, Гурленъ, Новый Ургенчъ, г. Хива, Ханка и Петро-Александровскъ.

Когда насталъ день моего отъѣзда изъ города Хивы, ханъ далъ мнѣ въ спутники полковника (жуз-башы) своей придворной стражи Ба-

1) Монеты переданы мною въ восточный музей при факультетѣ восточныхъ языковъ.

тыр-бая съ нѣсколькими неукерами (число ихъ въ пути мѣнялось отъ 2 до 3), а наслѣдникъ, который высылалъ за мной въ Ханка свой городской экипажъ, предоставилъ мнѣ теперь русскій тарантасъ, пару лошадей подъ который должны были выставять попутные хакимы. Всѣмъ попутнымъ хакимамъ было послано Исламъ-Ходжой¹⁾ увѣдомленіе о моемъ приѣздѣ, общая инструкція о содѣйствіи была вручена Батыр-баю, а для хакима Куня-Ургенча Исламъ-Ходжа далъ мнѣ особое письмо. До Ташауза со мной въ тарантасѣ ѣхалъ Медеминъ-бай. Хакимы выѣзжали ко мнѣ навстрѣчу сами или высылали своихъ набовъ (نایب) съ неукерами. Въ округахъ съ безпокойнымъ туркменскимъ населеніемъ, особенно іомудами, гдѣ вооруженные неукеры содержатся въ большомъ количествѣ, высылаемый мнѣ почетный караулъ достигалъ внушительныхъ размѣровъ. Дороги за малыми исключеніями вполне удобны для ѣзды по нимъ въ экипажѣ, и мостовъ объѣзжать не приходилось, но съ лошадьми часто изрядно мучились, такъ какъ рѣдко гдѣ онѣ приучены къ русской запряжкѣ, да еще парой. Кое-гдѣ ѣхали цугомъ, мѣстами тарантасъ валился съ лошадьми въ арыкъ, иногда, отѣхавъ отъ калы (резиденція хакима), приходилось поочередно перепрыгать напробу лошадей неукеровъ, такъ какъ данныя хакимомъ отказывались ѣхать; разъ, подъ Ташаузомъ, дѣло дошло до выпряжки лошади у проѣзжаго арбакеша. Въ полосѣ, отдаленной отъ Аму-дарьи, погода стояла пріятная и комаровъ не было. Останавливался въ замкахъ (кала) хакимовъ или въ ханскихъ садахъ (Тахта-базаръ, Иляллы, Акъ-тепе). Всюду встрѣчалъ гостепріимный приемъ и получалъ содѣйствіе, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—особенно (Тахта-базаръ, Куня-Ургенчъ, Порсу, Клычъ-Ниязь-бай, Ханка).—Однако, въ населеніи ходили насчетъ меня невыгодные для моихъ занятій слухи, то будто я—миссіонеръ, то будто я ищу свободныхъ земель для переселенцевъ и т. п. Эти слухи и официальная обстановка моего путешествія, къ сожалѣнію, помѣшали мнѣ его должнымъ образомъ использовать. Получилась только *общая научная развѣдка*.

Выѣхавъ изъ Хивы въ 12 ч. утра по мусульманскому времени, я былъ въ Газаватъ въ 4 ч. (4 таша); черезъ два часа тронулся дальше и въ

1) Исламъ-Ходжа, не занимая официального поста, обладаетъ огромнымъ влияніемъ на хивинскія дѣла, какъ представитель духовнаго рода ходжей при ханѣ; достаточно сказать, что въ рукахъ Исламъ-Ходжи находятся финансы страны.

10 ч. вечера былъ въ Тахта, гдѣ пробылъ до 6 ч. вечера 29 мая. Населеніе кругомъ іомудское, и бросается въ глаза большое количество вооруженныхъ берданками—«бързѣйкѣ», какъ говорятъ хивинцы,—это все «кандары» и «хостары», т. е. представители искомой и ищущей сторонъ въ исполненіи ужаснаго обычая кровной мести; утромъ 29 мая, въ базарный день подъ крѣпостцой Тахта произошла перестрѣлка съ жертвами — соблюли обычай!

Съ 29 вечера до 31 утра прожилъ въ Ташаузѣ; выѣхавъ отсюда на каюкѣ по каналу Шах-авадъ въ 9 ч. 40 м. утра по мусульм. времени, я въ 3 ч. дня достигъ Иляллы. На каюкѣ, шедшемъ внизъ по теченію, да еще влекомомъ на лямкѣ коннымъ бурлакомъ, стоялъ мой тарантасъ; Батыръ-бай ѣхалъ со мной, а неукеры скакали сухопутьемъ, прихвативъ коня Батыръ-бая. Въ Иляллы оставался до утра 5 іюня, когда переѣхалъ въ Акъ-тепе (4¼ часа пути), а оттуда утромъ 7 іюня направился въ Старый Ургенчъ, котораго достигъ чрезъ 6 часовъ. Здѣсь я прожилъ до утра 12 іюня.

На остановкахъ собиралъ свѣдѣнія о племенномъ и родовомъ составѣ мѣстнаго населенія и старался уловить особенности мѣстнаго говора. Слушалъ народныхъ пѣвцовъ разныхъ племенъ и отмѣчалъ какъ ихъ репертуаръ, такъ и особенности ихъ пѣнія и музыки. Продолжалъ изучать господствующій въ ханствѣ хивинско-сартовскій говоръ, записывая сказки, рассказы¹⁾, загадки, отдѣльные выраженія и слова, въ томъ числѣ: названія базаровъ, административныхъ должностей, ремесленныхъ цеховъ, растений и животныхъ, отдѣльных частей человѣческаго жилья, различныхъ мѣръ, термины родства, мужскія и женскія имена, клички собакъ и лошадей, привѣтствія, ругань и т. д., и т. д. Наблюдалъ бытъ и нравы мѣстныхъ жителей.

Моиими постоянными наперсниками были упомянутый Батыръ-бай и его неукеръ Худа-вергенъ. Юзъ-баши Батыръ-бай, правнукъ Ходжешъ-Мерема и праправнукъ Алла-верди-Атчапана, алтынъ-джилоуцевъ, съ которыми имѣлъ дѣло во время своего путешествія Муравьевъ, — учился въ медресѣ, былъ хакимомъ въ Иляллы и Конградѣ, служилъ русскимъ во время текинской экспедиціи,

1) Одинъ рассказъ въ русскомъ переводѣ напечатанъ уже въ IV вып. «Живой Старины» за 1908 г.

имѣть въ обиходѣ два русскихъ слова: «чѣто» (что) и «канді-
латъ» (кандидатъ), считается храбрымъ воиномъ, отличается боль-
шимъ благочестіемъ, любитъ душеспасительное чтеніе, человѣкъ осто-
рожный и дипломатичный; онъ охотно освѣдомлялъ меня о томъ, что
онъ, какъ мулла, не считалъ пустяками, а за послѣдними всегда напра-
влялъ меня къ Худа-вергену. Неукеръ Худа-вергенъ, сорокалѣтній
неграмотный хивинскій сартъ, за свою симпатичную мужиковатость
получившій отъ Батыръ-бая, своего начальника, кличку «бабаі» (такъ
зовутъ въ Хивѣ не всѣхъ русскихъ, а исключительно ссыльных ураль-
цевъ), прекрасно дополнялъ Батыръ-бая по части «пустяковъ» (бі-
мані сѳз), т. е. простонародной словесности; подъ его диктовку я за-
писалъ двѣ большихъ хивинско-сартовскихъ сказки, помимо разныхъ
другихъ мелочей. Простодушный Худа-вергенъ привязался ко мнѣ
самымъ искреннимъ образомъ, и я вспоминаю его и его начальника
съ чувствомъ теплой благодарности.

Въ Тахта я имѣлъ дѣло съ туркменами-іомудами, въ Ташаузѣ—
съ узбеками, въ Ияллы— съ туркменами: имрели, карадашлы,
чандыръ, агаръ, въ Акъ-Тепе — съ гокланами (тоже туркмены),
въ Куня-ургенчѣ — съ іомудами, казакъ-киргизами, кара-кал-
паками.

Въ Тахта слышалъ знаменитаго іомудскаго бахшы Шаммаръ,
въ Ташаузѣ видѣлъ масхарабазовъ: два мальчика въ пестрыхъ
костюмахъ сначала граціозно танцовали подъ звуки частью рус-
ской гармоникѣ, частью оркестра изъ двухъ сурнъ и одного бубна,
потомъ паясничали, перемѣняя костюмы и пародируя какъ отдѣльныя
профессіи (мулла, цирюльникъ), такъ и отдѣльныя народности (турк-
мены, казакъ-киргизы); играли очень живо и остроумно, но мѣстами
слишкомъ неприлично. Подъ Ияллы посѣтилъ «Братскую могилу вои-
новъ, убитыхъ въ дѣлахъ съ туркменами 13 и 15 іюля 1873 г. у сел.
Чандыръ» и убѣжище дервишей (календер-хана). Въ Акъ-Тепе встрѣ-
тился и много бесѣдовалъ съ хакимомъ Куня-Ургенча, поэтомъ Шейхъ-
Назаръ-баемъ, однимъ изъ образованнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ
сановниковъ ханства; онъ ѣхалъ въ г. Хиву.

V. *Отъ Стар. Ургенча до Петро-Александровска (7 іюня—26 іюня).*

Въ Старомъ Ургенчѣ (въ хивинскомъ просторѣчїи Кѡнй, изъ перс. *كوه*, безъ прибавки имени Ургенчъ) я прожилъ съ 7 до 12 іюня (5 дней); кромѣ занятій въ указанныхъ выше направленїяхъ я употреблялъ здѣсь время на осмотръ памятниковъ мѣстной старины и на ихъ фотографированіе. За послѣднее время окрестности Ст. Ургенча снова пришли въ цвѣтущее, можно сказать, состояніе благодаря, главнымъ образомъ, тому, что рядомъ энергичныхъ мѣръ приведены въ полное повиновеніе іомуды. Между прочимъ помимо иррегулярной конницы мѣстный энергичный хакимъ Шейхъ-Назаръ-бай завелъ казачій отрядъ на русскій образецъ; отрядъ состоитъ преимущественно изъ казакъ-киргизовъ подъ командой знакомаго съ русскими порядками юз-баши, тоже казакъ-киргиза. Современный городъ лежитъ, какъ извѣстно, къ сѣверу отъ развалинъ, непосредственно къ нимъ примыкая (старое русло Амударьи проходитъ къ югу отъ развалинъ); поля и сады надвигаются на площадь руинъ съ трехъ сторонъ (З. С. В.), и площадь эта замѣтно уменьшается: видно, какъ хивинцы очищаютъ почву отъ камней, выравниваютъ ее, бороздятъ оросительными канавами, удабриваютъ разсыпаніемъ плодородной привозной земли, — словомъ, насаждая новую культуру, вытравляютъ на вѣки слѣды мнувшаго... За что можно, пожалуй, не опасаться, это — за тѣ изъ уцѣлѣвшихъ построекъ, которыя дѣлаютъ Ст. Ургенчъ, интересный для насъ, — святымъ для хивинцевъ: за надгробія. Могилы, особливо, святыхъ берегутся весьма бдительно: надмогильные камни укутаны въ нѣсколько покрывалъ и охраняются шейхами отъ расхищенія и порчи; хивинцы, проученные горькимъ опытомъ, очень остерегаются заѣзжихъ купцовъ изъ немусульманъ, промышляющихъ между прочимъ и древностями. — Я набросалъ наглазомѣръ планъ мѣстности со старинными постройками или ихъ остатками. При объѣздахъ развалинъ меня всегда сопровождалъ ургенчскій Реисъ-Ишанъ, скромный, простой, но весьма начитанный и умный блюститель правовъ изъ кара-калпаковъ.

Знакомился съ пѣніемъ и музыкой казакъ-киргизовъ и кара-калпаковъ и записывалъ тексты на этихъ нарѣчїяхъ. Присутствовалъ на представленіи шутовъ-любителей; пародировали: казакъ-киргизскихъ

плакальщицъ, сартовскихъ и персидскихъ бачей, «совѣтъ русскихъ генераловъ передъ взятіемъ Гѣкъ-тепе». Въ хивинскихъ городахъ любятъ эти пародированья, и профессиональныя, и любительскія, но исполнителями въ нихъ выступаютъ не узбеки и чаще не хивинскіе уроженцы вообще, а выходцы изъ Бухары, Ташкента, Персіи, Аваганистана. Мулла Джума-Ніязъ сообщилъ мнѣ хивинскую сатиру на казакъ-киргизовъ. Въ Стар. Ургенчѣ я попалъ на слѣдъ стиховъ, посвященныхъ 1873 году, но только въ Ходжейли мнѣ удалось заполучить два отрывка изъ нихъ; въ полномъ объемѣ «Хорезм-намэ» для меня оказалась недоступной, равно какъ и произведенія хивинскихъ поэтовъ.

По дорогѣ въ Ходжейли (12 іюня) я осматрѣлъ и сфотографировалъ кладбище съ мавзолеемъ «Мазлумъ-Сулу» и развалины крѣпости Гяуръ-Кала (1 фарсахъ, или ташъ отъ Ходжейли). Въ Ходжейли начались комары, хотя тамъ говорятъ, будто городъ заговоренъ какимъ-то святымъ отъ этихъ насѣкомыхъ. Купилъ: 1) рукопись (түркі) со сказаніями о взятіи Хорезма Чивгизъ-ханомъ и о мученической кончинѣ Шейха Неджм-уд-дина Кубра, 2) пару ножей, производствомъ которыхъ славится Ходжейли.

Въ Порсу, округъ котораго населенъ туркменами племени чоудоръ, пробылъ съ 14 до 17 іюня. Здѣсь я впервые видѣлъ тотъ пережитокъ шаманства у мусульманскихъ турковъ, который у казакъ-киргизовъ называется «баксы», а у хивинскихъ туркменовъ и узбековъ — «порхан». «Порхан», это мужчина или женщина, приводящіе себя въ изступленіе причитаніями подъ удары въ бубень (безъ колотушки) и въ такомъ состояніи изгоняющіе изъ больныхъ нечистый духъ или предсказывающіе будущее. Хивинскіе сарты называютъ такихъ людей арабско-перс. словомъ «палмін» (= فالین + біп, فالین). Я видѣлъ мужчину, одѣтаго въ женское красное платье и съ краснымъ платкомъ на головѣ. — Слышалъ знаменитѣйшаго во всемъ ханствѣ бахшы Сүжюу, 58 лѣтъ, чоудорца. Купилъ: 1) коллекцію чоудорскихъ вышивокъ шелкомъ на рубашкахъ, кисетахъ для денегъ, табаку и чаю и на калпакахъ старой, остроконечной формы, нынѣ почти вышедшей изъ употребленія во всемъ ханствѣ¹⁾; 2) два образца ковроваго производ-

1) А. Калмыковъ въ цитованной выше статьѣ отмѣтилъ: «Вышивокъ я не видѣлъ вовсе» (стр. 59).

ства у чоудоровъ; 3) серьгу, носимую въ носу чоудорками. Такую-же серьгу, но узбекскую, купилъ въ Ст. Ургенчѣ (для этн. муз. Акад. Наукъ).

По дорогѣ въ Гѣкъ-чеге и Клыч-Ніяз-бай сфотографировалъ развалины Булдум-Сазъ (17 іюня). Позавтракавъ и отдохнувъ въ Гѣкъ-чеге, гдѣ меня встрѣтилъ хакимъ Клыч-Ніяз-бая, Рахманъ-Бергенъ-Аталыкъ, внукъ Алла-кули-хана, я проѣхалъ въ Клыч-Ніязъ-бай и оставался здѣсь до 19 іюня. Хакимъ, пожилой человекъ, любитель соколиной охоты, сообщилъ мнѣ много интереснаго о перемѣнахъ въ хивинскомъ быту, одеждѣ, пищѣ за послѣдніе 30—35 лѣтъ подъ вліяніемъ туркменовъ, ногаевъ (по-русски «татары»), кызылбашей (т. е. персіянь) и русскихъ.

19 іюня полудневалъ въ Кытаѣ, въ саду Рахманъ-Бергенъ-Аталыка, а вечеромъ былъ въ Гурленѣ. По дорогѣ видѣлъ поселенія туркменскаго племени арвачи. Гурленскій округъ населенъ преимущественно узбеками, и я наблюдалъ узбекскую рѣчь, слушая сказочника изъ племени канглы.

Выѣхавъ изъ Гурлена 21 іюня на разсвѣтѣ, я имѣлъ «чашкәлік» (изъ перс. چاشنگاہ и тур. лик, остановка для завтрака) въ Янгы-базарѣ, а въ Новый Ургенчъ прибылъ около полудня. Русскіе, живущіе въ Хивинскомъ ханствѣ (почти исключительно уральцы), называютъ этотъ городъ — Ургенчи и говорятъ: въ Ургенчахъ, изъ Ургенчей и т. д. Проведя здѣсь слѣдующій день въ полномъ бездѣйствіи изъ-за жары, я вечеромъ 22 іюня былъ уже снова въ г. Хивѣ, чтобы отблагодарить хивинское правительство за гостепріимство и поработать еще нѣсколько дней на прощанье въ столицѣ. Я купилъ инструменты и образчики бумажныхъ узоровъ для рѣзбы по дереву (на дверяхъ, колоннахъ). 25 іюня ночью я выѣхалъ изъ Хивы, рано утромъ 26-го былъ въ Ханка (пришлось много колесить, такъ какъ изъ-за начавшагося подъема воды въ Аму-дарѣ снесло много мостовъ), а подвечеръ — въ Петро-Александровскѣ.

По приѣздѣ въ г. Хиву я узналъ, что вскорѣ по моемъ отбытіи изъ Старога Ургенча, тамъ случился грандіозный пожаръ, уничтожившій весь базаръ.

VI. *Петро-Александровскъ — Чарджуй.*

Въ Петро-Александровскѣ я оставался до вечера 2 іюля, когда переѣхалъ на пароходъ, ушедшій въ Чарджуй 3 іюля. 28 іюня вечеромъ я выѣзжалъ изъ П.-А. на развалины Гуль-Дурсунъ, за 30 верстъ, которыя осматривалъ и фотографировалъ весь день 29 іюня; со мной ѣздилъ мировой судья, любитель древнихъ монетъ А. М. Герасимовскій и, по распоряженію генер. Глушановскаго, техникъ орошенія, знакомый съ мѣстомъ. Въ Петро-Александровскѣ я купилъ узбекскій женскій головной уборъ «іаѣакъ» и фотографировалъ нѣсколько туземныхъ женщинъ.

Съ хивинскимъ обществомъ я разстался только въ Чарджуй, 9 іюля, такъ какъ путь по Аму-дарьѣ совершилъ вмѣстѣ съ хивинскимъ наслѣдникомъ, Исфендіаръ-тюрей и его свитой, ѣхавшими въ Ташкентъ представляться новому генералъ-губернатору. Первыми лицами въ свитѣ были старо-ургенчскій хакимъ Шейхъ-Назаръ-бай и караванъ-башы (министръ торговли) Метъ-Вефа-бай, владѣющій русскимъ языкомъ.

Считаю своимъ долгомъ выразить благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ, о содѣйствіи которыхъ я упоминалъ въ своемъ отчетѣ, а также слѣдующимъ учрежденіямъ: И. Спб. Университету и Русскому Комитету—за назначеніе мнѣ командировочныхъ средствъ (600 и 400 р.); Азіатскому Отдѣлу Главнаго Штаба и Капцеляріи Туркестанскаго Генералъ-Губернатора—за распоряженія о содѣйствіи мнѣ на мѣстахъ.

С.-Петербургъ, 24 ноября 1908.